

Т а т ь я н а   Д а г о в и ч

МАЛЕНЬКИЕ ВЕРВОЛЬФЫ

Несколько дней спустя они вернулись. Ладно, сказала я им, заходите. Что делать.

Оба вошли, но замялись в прихожей. Я сообразила, что они должны быть голодными, кивнула в сторону кухни. Маленькие вервольфы тут же метнулись на кухню, но я, следуя за ними медленным шагом, в своих слетающих со ступней мохнатых тапочках, в своем толстом халате, вспомнила: «Не туда, не туда! В ванную марш! Сначала — руки...»

Маленькие вервольфы подчинились, упрямо опустив темные, стриженные ежиком головы (прикинула: одному должно быть девять, другому одиннадцать, хотя выглядят почти как близнецы). Глаза старшего зло блеснули исподлобья, но я лишь усмехнулась — мысленно.

На кухне удобнее возиться без них. Закричала, чтобы пробиться сквозь плеск воды: «С мы-ы-ы-лом!» Предложить им разной еды на выбор я не могла, в конце концов, мы ни о чем не договаривались, я была не в курсе, что они вернутся. Но какой-никакой суп в холодильнике нашелся — разлила по мисочкам, подогрела в микроволновке. Нарезала хлеб.

К хлебу маленькие вервольфы не притронулись, зато суп хлебали жадно, сгорбившись над столом, нависая над мисками, чтобы сократить путь ложки, — только белые зубы мелькали. Я стояла, опираясь на столешницу встроенной кухни. Не умею как-то специально говорить с детьми, спросила, как взрослых:

— Что там в лесу?

Младший вообще не обратил внимания на вопрос, а старший с полным ртом проворчал нечто невразумительное, я и не разобрала: «хорошо» или «плохо». Может, так лучше. Взрослые начали бы детально пересказывать, настаивая на преимуществах леса перед городом — бросая многозначительные взгляды и неумелые, оттого грубые намеки. Провела рукой по лбу — волосы лезут в глаза. Собрала пустые миски, зная, что маленькие вервольфы по-прежнему голодны: мои супы с горошком, кукурузой и картофелем, с морковью и луком, но без мяса — они не насытят вервольфа. Мальчики

медленно вышли из кухни, а я задержалась у окна. Шел дождь. Лес чернел вдалеке.

Сполоснула за ними посуду. Происходящее немного нервировало. Мне нужно работать. Когда работаешь дома, никто не хочет понимать, что ты не отдыхаешь, и — нет, у тебя не целый день свободного времени. Никто не принимает всерьез твои мертвые линии — приставленные к шее дедлайны, «ну ты же можешь», «ну что тебе стоит», «ты все равно дома». Нервировало? Бесило до глубины тела — так, что захотелось (однако лишь на секунду), держа маленьких тварей за шиворот, надавать им оплеух.

Нужно попросить, чтобы мне выделили офис. Но тогда — никакого толстого халата, никаких мохнатых тапочек. С семи до пяти. Вся зарплата будет уходить на клятый офис. И холодный туалет в конце коридора.

Просто я не буду заниматься маленькими вервольфами, вот и все. Пусть развлекают себя сами, пусть сидят, пока не кончится дождь, пока не уйдут.

Перешла в кабинет, раздвинула шторы — окно прямо за моим столом. Ливень хлестал и стекал, лес больше не был виден — едва угадывался (если знаешь, что он там). Не выгонять же их в такую погоду. Включила компьютер. Выстраивала линии развития событий. Погрузилась. Звон и стук. Капли размером с горох разбивались о подоконник.

Маленькие вервольфы последовали в кабинет за мной. Поначалу стеснялись, старались оставаться тихими и не отвлекали меня — даже наоборот, сливавшиеся с шумом дождя их ворчание и шепот помогали работать. Потом разыгрались за моей спиной: бились лапами, скалили клыки, опрокидывали друг друга, глухо рычали и тявкали. Кружились, гонялись друг за другом, ловили за хвост.

Я не заметила, как старший, мальчиком, подошел ко мне, и вздрогнула, когда он нерешительно похлопал меня по плечу. Обернулась.

Маленький вервольф стоял опустив голову, наставив на меня свой упрямый ежик, пряча прозрачно-зеленые глаза.

— Бабушка передавала тебе что-то... — проворчал он.

— А?

— Что тебя ждут в лесу. Тебе давно пора...

Снизу, от живота, во мне поднимался гнев. Но я смолчала. Сглотнула.

— Скажи бабушке... что мой дом в городе. Я. Живу. В. Городе. — Добавила спокойнее: — Загляну, когда будет время.

Он кивнул и с облегчением вернулся к брату. Сел на пол. Второй взмахнул хвостом и весело прыгнул толстыми передними лапами ему на плечи. Но старший не хотел снова волком, а так — один в шерсти, другой в коф-

те — игры не получалось, и младший, какое-то время поупрямившись, сдался. Теперь они забавлялись маленькими, бог знает где добытыми машинками, урчали и рычали все громче и, нужно признать, потихоньку начинали мешать мне. Раз уж отвлеклась, я заварила себе чая, намазала тосты джемом — естественно, и маленьких вервольфов пришлось угостить. Они насорили, запачкали ковер. За чаем вернулась к четвертому справа каузальному ответвлению. Волчата, дети — теперь они визжали и подвывали, гоняясь друг за другом, каждую секунду меняя природу, на мои замечания сначала сыпали — ненужными мне — оправданиями и взаимными обвинениями («А что я? Это он!»), потом вообще перестали реагировать.

В общем, вышли из-под контроля. Но на самом деле это не моя обязанность — приводить их в чувство. Я пыталась продолжать с четвертым ответвлением, хотя в таком гае дело продвигалось черепашным шагом — постоянно допускала ошибки, возвращалась, исправляла и в итоге не была уверена в схемах и выводах.

Закончилось все тем, что в своем раже маленькие вервольфы опрокинули трубу новостей, она треснула, и новости полетели все сразу — мне в рот, забили хвостами в моем горле. Из зон военных действий, из запертых квартир, из лабораторий, из подвалов, из темных скверов. Я схватила за шею. Из-под бомбардировок, из-под химатак. Вырвать из себя живот.

Едва успев заткнуть трубу мохнатыми тапками, я ринулась в туалет. Меня рвало новостями. Маленькие вервольфы испугались, затихли. Снова застенчивые, робко жались к стене в коридоре. Перешептывались. Прятали хвосты между ног. Меня рвало девять часов подряд. Сначала полная жесь была — выворачивало, и казалось, что все уже вышло, и меня рвет мной самой. Желчь и все такое. Но часа через полтора, как ни странно, полегчало, рвотный рефлекс повторял сам себя, я успевала вдохнуть, выдохнуть и хлебнуть воды между позывами, в общем, освоилась с ситуацией.

Рвота прекратилась ночью. Ливень прошел, было очень тихо. Прополоскав рот и скинув запачкавшийся халат, обессиленная, голяком протаскилась в спальню. Ноги дрожали. Посмотрела в зеркало: до чего я худа без халата — ребра торчат. Впалый живот — еще бы, внутри не осталось ничего живого. Впалые щеки. А ведь в халате была такая объемная, защищенная и настоящая. Серьезная. Но мне больше не плохо, мне стало все равно, на все и всех плевать, и я чувствовала себя в каком-то смысле очищенной и в каком-то смысле мертвой.

Все бы нормально, однако еще один день прошел, а я ничего не сделала. Работа стоит. Дедлайн — смертельная линия — приближается. Надо было

рассчитывать, изменять планы и подгонять их под ситуацию — но я и не пыталась: когда голова так гулко-пуста... Не успею, найду за мертвую линию — меня умертвят (инъекция, веревка?). Но сейчас и это все равно. Кровать, кровать. Одеядло манило, словно рай. Я укуталась, закрылась, защитилась, вцепилась, влилась в подушку. Сон втянул меня, как пылесос перышко, и темнота оказалась мохнатой.

Проснулась я от боли. Скинула их с себя с криком, одного успела ударить — так, что ладонь запекло. Маленькие вервольфы — совсем забыла о них. Конечно, ни мой суп, ни мои тосты с джемом не могут утолить их голода. Включила лампу на тумбочке и увидела, что кровь стекает от локтей к запястьям. Маленькие твари! Они отпрянули, сторбились и смотрели жалобно, со страхом. Моя кровь капала с их клыков.

Возможно ли отказать детям? Ладно. Я молча протянула руки вперед. Маленькие вервольфы радостно оскалились.

Утром опять пошел дождь. Техник, починивший трубу, рекомендовал быть осторожнее и ушел. С чашкой кофе в перебинтованных руках я долго стояла у кухонного окна и смотрела вдаль. Растягивала эту чашку, чтобы формально как можно дольше не заканчивать завтрак и не приступать к работе. Куталась в чистый — из шкафа — толстый халат. Стопы в теплых (гладких, мохнатые выстирала, еще мокрые) тапочках.

Лес, в котором скрылись сытые вервольфы, неподвижно темнел вершинами, пропадал и появлялся за миллиардами капель. Думают, мне не хочется туда? Под сень, под черные ветви, где запах и звук сливаются: мое дыхание, дух хвои, дух зверя, соль, воля, прелая кора, вода... Думают, не каждое утро мне хочется броситься, бросить все — и в дверь или в окно? Думают, моя кровь не чернеет, когда я смотрю в ту сторону? Чашка вздрагивала в такт мыслям.

Пустая. Поставила ее на мойку, сдернула ненужные бинты: на мне заживает как на собаке — я из леса. Только розоватые пятна новой кожи на новой плоти пугают свежестью. Надо идти работать, пока никто не мешает. Мертвая линия, дедлайн. Переступившие линию остаются без работы и без жизни. Но время есть: маленькие вервольфы не вернутся раньше, чем через несколько дней.

